

XVI $\frac{45}{10}$

1909

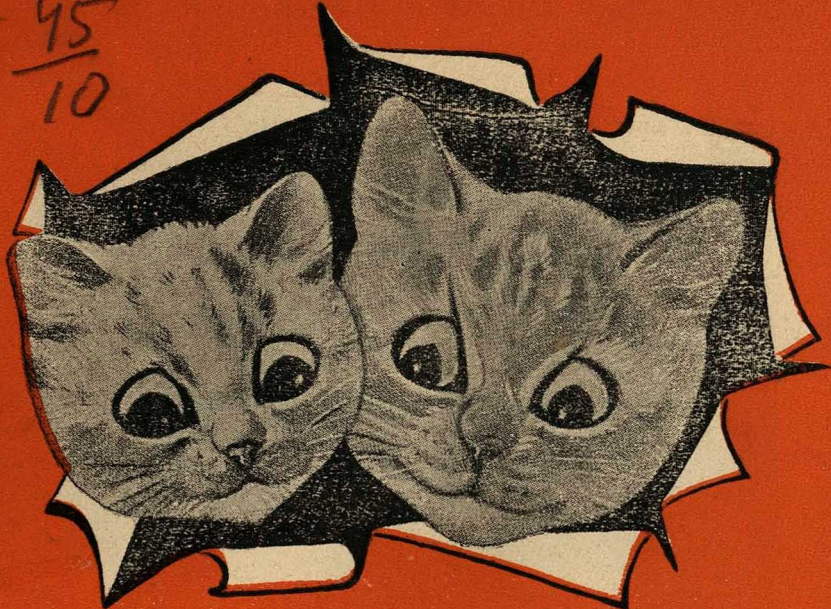
N 17-24 VII-IX

VII / 10 XVI / 45 / 10
ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВТОРОЙ.

ІЮЛЬ.

№ 17.

1909.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

НАЙДѢНЫШЪ (повѣсть).

ЛѢТОМЪ.

СКАЗКИ О РОЗАХЪ.

ДРУЖОКЪ И ӨОМКА (повѣсть).

ОБЪ ОМАРАХЪ.

ГОЛОВОЛОМКИ И ШАРАДЫ.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

«Великосвѣтскія сани времянь
Императрицы Еваторины Валцкой»

Золотое Дѣтство

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Передъ портретомъ покойной мамы.

НА И Д Ё Н Ы Ш Ъ.

(Повѣсть).

(Окончаніе).

На слѣдующій день, едва только Счастье переступила порогъ въ замокъ, какъ ей показалось, что она попала въ царство сказочныхъ фей. Вышедшая къ ней нарядная горничная провела ее черезъ рядъ украшенныхъ золотомъ залъ. Маркиза-же сидѣла въ небольшой комнатѣ, очень просто обставленной. На стѣнѣ этой комнаты висѣлъ большой портретъ какой-то маленькой дѣвочки и около него находилось выточенное изъ слоновой кости Распятіе, которое, по тогдашнему обычаю, должно было означать, что этой дѣвочки не было уже въ живыхъ.

Маркиза Шандорей обняла Счастье и приняла отъ нея букетикъ полевыхъ цвѣтовъ, которые дѣвочка набрала по пути въ замокъ, и поставила ихъ въ воду въ одну изъ вазъ, находившихся около портрета.

— Ты чего крестишься? спросила ее маркиза.

— Вѣдь эта дѣвочка умерла? въ свою очередь спросила ее Счастье.

Маркиза не отвѣтила. Она взяла ее за руки, притянула ее къ себѣ, горячо поцѣловала и усадила рядомъ съ собою.

— Сколько тебѣ лѣтъ? спросила она потомъ.

— Девять... отвѣтила Счастье.

— Много васъ въ семьѣ?

— Шестеро... я самая младшая.

— Ты любишь своихъ братьевъ и сестеръ?

— Да... въ особенности Конрада. Онъ такой добрый! Кромѣ того онъ очень смѣлъ и скоро пойдетъ въ солдаты... Гретхенъ даже боится за него, какъ-бы его не послали на войну.

Разговоръ продолжался все въ такомъ-же родѣ, а затѣмъ маркиза Шандорей взяла ящикъ сластей и стала наполнять ими карманы дѣвочки. Поцѣловавъ затѣмъ ее нѣсколько разъ въ щеки и въ глаза, маркиза подозвала къ себѣ стараго слугу Жюста и приказала ему проводить дѣвочку до самой лѣсной сторожки.

Съ этого дня Счастье стала довольно часто посѣщать замокъ. Посѣщенія эти продолжались и тогда, когда лѣсничій тяжело заболѣлъ, не могъ уже продолжать своей службы и долженъ былъ переселиться изъ лѣсной сторожки въ сосѣднюю деревню, гдѣ ему пришлось нанять маленькую квартирку. Это переселеніе изъ даровой квартиры въ наемную сильно отозвалось на средствахъ семьи и ей пришлось работать еще больше. Къ тому-же въ деревнѣ не

КНИГА ЗАКАЗОВ

ин. ч.

Печать. Листов	Выпуск	В перепл. едина соедин. 1905 Лит. вып.	Таблицы	Карт	Иллюстр.	Службы. №№	Дела Григорья в Дьяковы	1948 г.
-------------------	--------	---	---------	------	----------	---------------	-------------------------------	---------

5 | 8 | 17-24 | | | | 2/564

д. 39 т. 308 тсв/11 - ~~11~~

86

110

было того раздолья, къ которому семья лѣсничаго привыкла у себя въ лѣсу. Конрадъ, замѣнившій, какъ старшій, отца, уже и думать не могъ о собственныхъ развлеченіяхъ и съ утра до ночи былъ занятъ тяжкимъ, непосильнымъ трудомъ. Бѣдной Гретхенъ пришлось шить мѣшки и ходить на поденную работу и кромѣ того еще ухаживать за больнымъ отцомъ. Счастье тоже какъ-то сразу перемѣнилась, точно она вновь родилась или точно у нея сразу открылись глаза: она стала трудиться, какъ и всѣ, и старалась замѣнить собою въ семьѣ старшую сестру.

Однажды вечеромъ она возвратилась въ деревню печальная и чѣмъ-то очень занятая. Конрадъ хотѣлъ ее развеселить, но она убѣжала отъ него и долгое время не попадалась ему на глаза, точно хотѣла скрыть отъ него свою тайну. Идя по дорогѣ, она увидала мальчишекъ, которые разоряли птичьи гнѣзда. Когда она упрекнула ихъ въ этомъ, они подняли ее на смѣхъ и закричали:—

— Ну, ты, подкидышь, убирайся вонъ!

— Подкидышь? переспросила она ихъ.—Что это значитъ «подкидышь»?

— Да, подкидышь! Спроси-ка своего Конрада, дѣйствительно-ли ты ему сестра?

Счастье рѣшилась наконецъ спросить объ этомъ Конрада. Онъ испугался этого ея вопроса, хотѣлъ склониться отъ отвѣта, но она схва-

тила его за руку и въ страхѣ спросила:—

— Ты не хочешь отвѣчать, значить, это правда?

Конрадъ посадилъ ее къ себѣ на колѣни и, выждавъ, когда она успокоилась, съ тысячами предосторожностей рассказалъ ей все, что случилось когда-то въ ночь подъ Крещенье и какъ она попала въ семью лѣсника въ сторожку. О медальонѣ онъ не сказалъ ей ничего изъ боязни, чтобы она не стала мечтать о своемъ возможномъ знатномъ происхожденіи. А затѣмъ онъ сталъ ее ободрять и утѣшать.

— Какая жалость, сказала она,— что я не знала объ этомъ раньше... Тогда-бы я не была къ вамъ всѣмъ такой неблагодарной.

— Зато ты теперь работаешь за всѣхъ, отвѣтилъ Конрадъ.

— Только съумѣю-ли я когда-нибудь отплатить вамъ за всю вашу доброту? И чѣмъ я отплачу?

— Будь намъ сестрой и не отказывайся отъ нашего желанія быть твоими братьями и сестрами!

— Но вѣдь я должна-же зарабатывать деньги, чтобы облегчить трудъ Гретхенъ!

— Со временемъ будетъ и это.

— Ну, а ты, Конрадъ, что ты теперь будешь дѣлать?

Лицо юноши омрачилось.

— Я хотѣлъ поступить въ высшую школу, сказалъ онъ,—но приходится отказаться...

— Почему? спросила она со страхомъ.

...Она схватила его за руку.

— Нужно зарабатывать хлѣбъ... Папа вѣдь боленъ, а кто будетъ кормить младшихъ братьевъ и сестеръ?

— Значить, ты останешься безъ ученья?

— Что-же дѣлать?.. Но уже поздно... Пойдемъ, сестра, домой, а то папа будетъ беспокоиться, что мы такъ долго не являлись къ нему.

Въ эту ночь Счастье вовсе не спала. Она думала о роскоши замка и о бѣдности своей семьи и искренно жалѣла, что она не маркиза. Если-бы она была маркизой и если-бы замокъ принадлежалъ ей, то прежде всего она осчастливила-бы семью лѣсника. А теперь ей остается одно, поступить къ маркизѣ въ прислуги.

На слѣдующій день съ первыми же лучами утра дѣвочка была уже въ пути. На ея счастье старикъ Жюсть уже всталъ и потому на-

шлось хоть одно лицо, которое могло ее встрѣтить въ замкѣ.

— Какъ? воскликнулъ онъ. — Въ такую раннюю пору и вы уже здѣсь? Не случилось-ли чего нибудь въ вашей семьѣ?

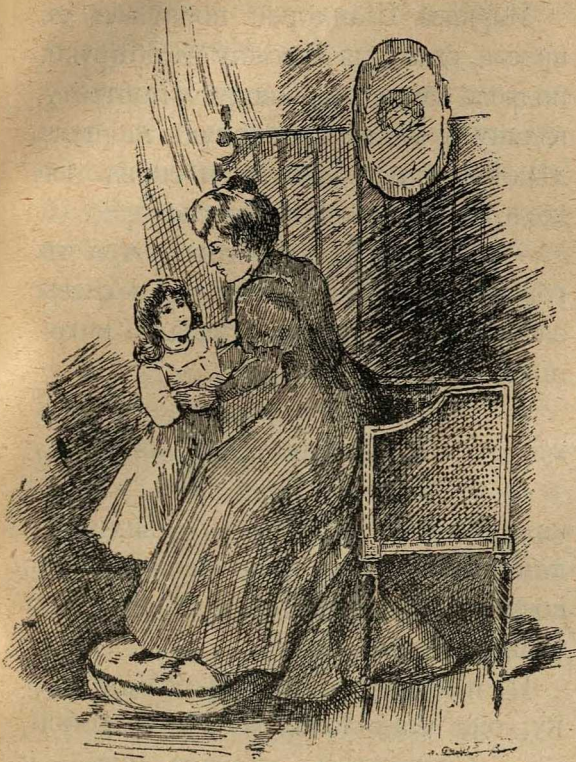
— Нѣтъ, отвѣтила дѣвочка. — Я хотѣла-бы поговорить съ маркизой Шандорей, но довольна уже и тѣмъ, что могу попросить и васъ. Скажите, не можете-ли вы опредѣлить меня на службу къ маркизѣ хотя-бы вмѣсто ея Люси?

Старикъ-слуга весело разсмѣялся. Люси была горничной маркизы, которой только-что было отказано отъ мѣста.

— Вы хотите быть горничной? воскликнулъ онъ. — Это забавно! Но вѣдь вы еще такая маленькая, что не сможете даже подать Маркизѣ пальто.

...Дѣвочка не находила словъ, что отвѣтить.

— Ты увѣрена въ томъ, что говоришь?

— Я еще выросту, просто отвѣтила Счастье.

— А шить вы умѣете?

— Нѣтъ, но за то я умѣю рассказывать интересныя сказки. Кромѣ того я знаю нѣкоторыя житія святыхъ, которыя читалъ намъ папа...

Старый Жюстъ пожалъ плечами.

— Для чего же вамъ нужно поступать въ горничныя? спросилъ онъ ее.

— Я хочу заработать денегъ, чтобы помочь моей семьѣ... отвѣтила она.

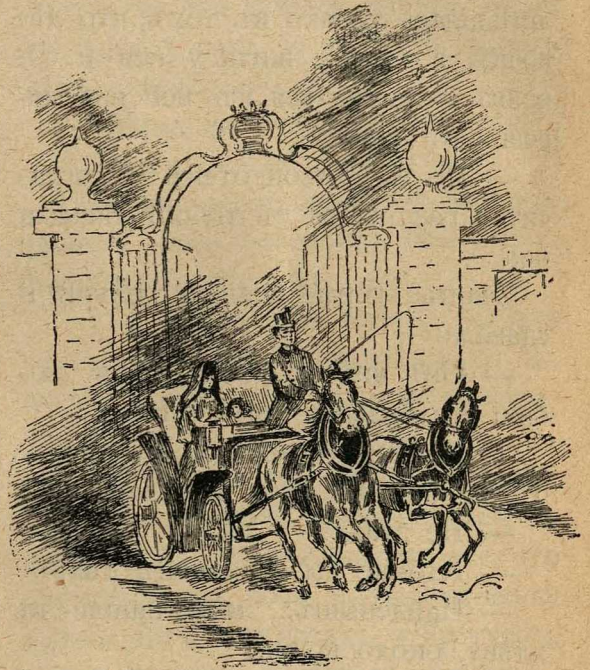
— Въ такомъ случаѣ отправляйтесь сейчасъ къ маркизу сами. Она уже встала и сидитъ у себя въ будуа-

рѣ. Она разрѣшила впускать васъ къ ней во всякое время.

Дѣвочка бѣгомъ пустилась черезъ паркъ къ замку и, не переводя дыханія, взбѣжала на ступени. Когда она проходила черезъ залы замка, то вся прислуга еще спала и никто не попался ей на встрѣчу. Отворивъ дверь въ маленькій будуаръ, она увидала въ немъ маркизу и со страхомъ переступила къ ней порогъ.

— Ахъ, это ты? воскликнула маркиза и радостно улыбнулась. — А я слышу чьи-то маленькіе шаги и все никакъ не могу догадаться, кто-бы это шелъ?

Сразу оробѣвъ, дѣвочка не находила словъ, что отвѣтить и какъ начать свою странную просьбу. Она

Четверть часа спустя, изящная коляска съ герцогской короной уже катилась къ избушкѣ лѣсничаго.

покраснѣла, смутилась и стала подыскивать слова. Языкъ ея заплетался и у нея совершенно не вышло того, что она такъ хорошо заучила ночью. Она хотѣла сказать, что ей тяжело видѣть, какъ нуждается ея семья и какъ много приходится работать Гретхенъ и Конраду, что ей больно, что Конрадъ долженъ остаться изъ-за бѣдности безъ высшаго образованія и что если-бы она могла поступить къ маркизѣ въ горничныя и заработать этимъ хоть сколько-нибудь денегъ, чтобы помочь семьѣ, то она была-бы очень довольна. Но она смутилась, сказала все это не такъ, какъ хотѣла сказать, и маркиза Шандорей такъ и не могла понять, зачѣмъ она къ ней такъ рано пришла. Она догадалась только въ томъ, что дѣвочкѣ хотѣлось жить у нея и совсѣмъ переселиться къ ней изъ деревни въ замокъ.

— Но вѣдь твой отецъ не согласится разстаться съ тобой! сказала она.

Счастье гордо подняла голову и сказала:—

— Онъ мнѣ не отецъ, но я люблю его больше, чѣмъ отца.

— Не отецъ? удивилась маркиза.— Тогда какъ-же твоя фамилія?

— Не знаю...

— Кто-же ты на самомъ дѣлѣ?

— Найденышъ... меня нашли въ хлѣву, около козы...

— Кто-же тебя туда подкинулъ?

— Какой-то знатный человекъ, переодѣвшійся для этого старикомъ...

Маркиза Шандорей поднялась съ кресла, схватила дѣвочку за обѣруки, подвела ее къ висѣвшему портрету, взянула на нарисованную на немъ дѣвочку и на Счастье и снова тяжело опустилась въ кресло.

— Ты увѣрена въ томъ, что ты говоришь? спросила она ее и слезы засверкали у нея на глазахъ и голосъ ея дрогнулъ.

— Да, отвѣтила дѣвочка, — мнѣ все это рассказалъ самъ Конрадъ.

— Боже мой, Боже мой... застонала вдругъ маркиза и обѣими руками закрыла лицо.— Неужели это возможно?.. Нѣтъ, я положительно сошла съ ума...

И, притянувъ снова къ себѣ дѣвочку, она усадила ее рядомъ съ собой.

— Сядь здѣсь, сказала она, — и расскажи мнѣ все, что сообщилъ тебѣ твой старшій братъ.

Въ нѣсколькихъ словахъ дѣвочка рассказала ей все, что знала сама.

— Въ ночь подъ Крещенье... повторила маркиза.— Въ 1794 году... А нѣтъ-ли у твоихъ родителей какого-нибудь доказательства, какого-нибудь письма или медальона?

— Не знаю... Но могу спросить! Завтра я прибѣгу къ вамъ и скажу.

— Развѣ я могу такъ долго ожидать? воскликнула маркиза.

И подбѣжавъ къ двери, она закричала:—

— Жюсть, прикажите немедленно же заложить экипажъ!

Четверть часа спустя, изящная коляска съ герцогской короной уже

остановилась около воротъ избушки Ивана Хеллера.

Сидя въ креслѣ, изъ котораго во многихъ мѣстахъ уже высунулась мочала, разбитый параличомъ, Иванъ Хеллеръ хотѣлъ-было подняться, чтобы привѣтствовать маркизу, но она ласково усадила его въ кресло и не позволила ему вставать.

— Ваша дочь Счастье, сказала она,—разсказала мнѣ свою исторію и я пріѣхала къ вамъ, чтобы спросить у васъ, нѣтъ-ли у васъ какого-нибудь предмета, по которому можно было-бы удостовѣрить ея происхождение? Быть можетъ, у васъ осталась ея сорочка, въ которой вы ее нашли, или какой-нибудь медальонъ?

Голосъ ея дрожалъ; она въ волненіи теребила складки своей вуали и казалась такою взволнованной, что лѣснику стало ее жалко, такъ какъ о цѣли ея пріѣзда онъ сразу не догадался.

— Да, сударыня... отвѣтилъ онъ ей.—У насъ имѣется медальонъ, который мы нашли въ нашемъ пирогѣ со счастьемъ, и изгрызенное козой письмо...

Въ ожиданіи чего-то важнаго, Счастье дрожала, а Сюзель и мальчики не шевелились.

Гретхенъ отперла сундучокъ и достала оттуда медальонъ. Раздирающій душу крикъ огласилъ собою жилище лѣсничаго, когда маркиза увидела вырѣзанный на немъ гербъ фамилии Шандорей.

— Это она!.. Моя дочь!.. воскликнула она.—Моя дочь! Моя милая, дорогая Нини!.. Наконецъ-то ты нашлась!..

Этихъ минутъ свиданія маркизы съ дочерью нельзя описать. Ихъ можно только вообразить, можно только представить ихъ себѣ мысленно, но описать ихъ не сумѣлъ-бы ни одинъ писатель въ мірѣ.

Сжатая въ крѣпкихъ, лихорадочныхъ объятіяхъ маркизы, Нини не понимала еще, въ чемъ дѣло и чего отъ нея хотѣли. Она смотрѣла то на маркизу, то на своихъ родныхъ, то на медальонъ и письмо; но когда г-жа Шандорей сказала ей:—«Я твоя мать!» то она поняла вдругъ все и въ первый разъ за всѣ эти девять лѣтъ сказала:—

— Мама, мамочка! Дорогая мама!.. А затѣмъ ей объяснили все.

Пожимая руки лѣсническому, маркиза рыдала, какъ ребенокъ. Всѣ обступили ее со всѣхъ сторонъ.

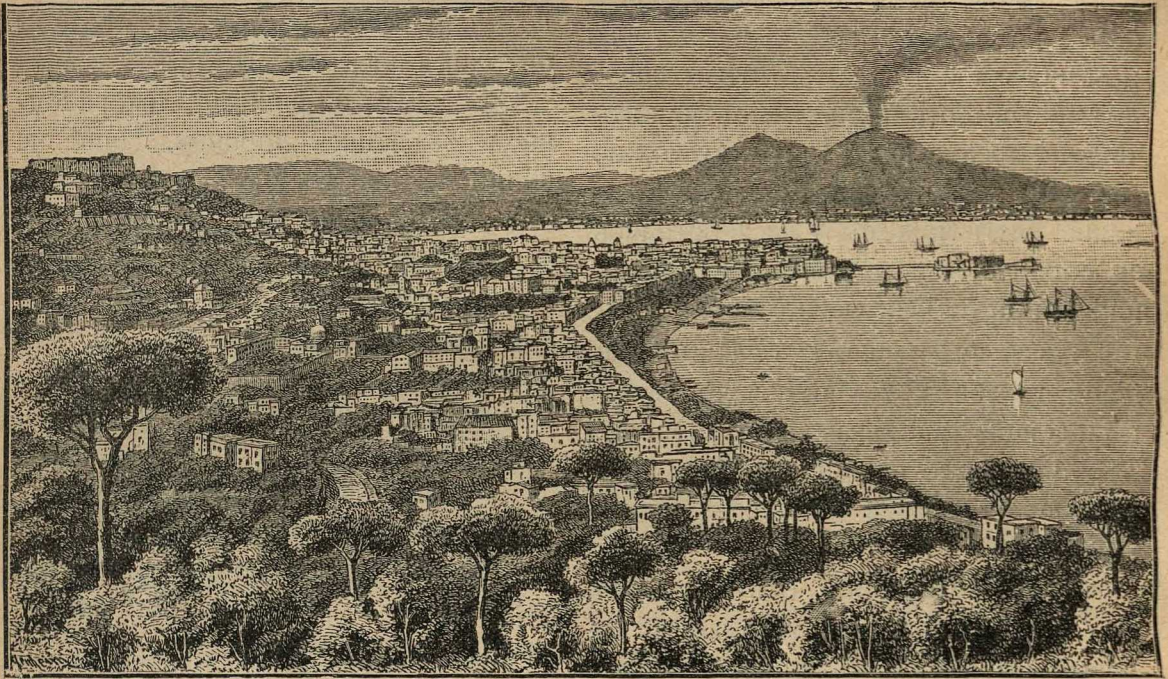
— Оставьте меня одну... сказала она.—Мнѣ нужно привыкнуть къ моему счастью... я такъ много страдала!

А когда она немного поуспокоилась, то лѣсничій разсказалъ ей въ мельчайшихъ подробностяхъ все, что случилось въ ночь подъ Крещенье девять лѣтъ тому назадъ, а Гретхенъ, вся въ слезахъ, сообщила ей о томъ, какъ къ ней приходилъ тогда больной, покойный маркизъ, переодѣтый

старикомъ, и попросилъ у нея мягкаго хлѣба и молока.

— Теперь онъ на небѣ, сказала маркиза, видитъ насъ всѣхъ оттуда и вѣроятно радуется теперь, что я нашла свою дочь. Ради него я отплачу вамъ все, что вы сдѣлали для нашего ребенка. Вы любили Нини, какъ свою родную дочь, и только

этого отказать... Гретхенъ меня баловала, кормила и поила, исполняла всѣ мои капризы, любила меня, какъ родную сестру, но она ни за что не согласится взять что-нибудь отъ тебя за это въ благодарность. Она такая милая, такая гордая, такая благородная, точно... точно настоящая герцогиня...

Неаполь въ Италіи.

благодаря вамъ она не попала въ другія руки. Милая Гретхенъ, дорогая старшая сестра моей Нини, какъ я могу васъ отблагодарить? Чѣмъ-бы я могла быть для васъ полезной?

Нини положила свою русую головку на плечо къ Гретхенъ и сказала:—

— Нѣтъ, мама, тебѣ придется отъ

А затѣмъ она подошла къ Ивану Хеллеру, опустилась передъ нимъ на колѣни и съ благоговѣніемъ поцѣловала ему руку.

— Я всегда останусь твоею дочерью, папа... сказала она.— Я всегда буду вашей, какъ и была. Мама полюбитъ васъ и всѣ мы будемъ счастливы и не разстанемся никогда.

— Да, да... отвѣтилъ больной лѣсничій и слезы потекли у него по щекамъ.— Я любилъ тебя, какъ родную дочь!

Но лицо его тотчасъ-же омрачилось.

Новая жизнь открывалась теперь передъ его пріемной дочерью, которую онъ такъ горячо любилъ; пройдутъ года и между двумя семьями,

полилась въ жилище, подъ кровлей котораго она когда-то нашла себѣ пріютъ. Конрадъ, Антонъ и Фрицъ получили блестящее образованіе и стали честными, хорошими дѣятелями на пользу своей родины. Кромѣ того, Конрадъ отличился на войнѣ и получилъ чинъ полковника, на что изъ скромности не согласился. Всѣ солдаты его обожали. А «маленькая

Друзья.

благодаря разницѣ ихъ положеній, откроется глубокая, непроходимая пропасть. Его маленькая Счастье — Нини станетъ маркизой, они — простые крестьяне и вѣроятно она ихъ скоро забудетъ...

Но маленькая маркиза не забыла. Благодаря ея заботамъ о своей прежней семьѣ, помощь широкою рѣчкой

маркиза», какъ еще долго продолжали звать молодую маркизу Шандорей, ни на одинъ день не забывала, что когда-то она была простой крестьянкой и что и въ крестьянской семьѣ нашлись люди, которые могли сдѣлать ее счастливой и замѣнить ей родную мать и друзей.

— Нини принесла намъ счастье... часто говорили Гретхень и Кон-

радъ.—Не даромъ мы нашли ея медальонъ въ пирогахъ!

А «маленькая маркиза» сидѣла у себя въ роскошномъ замкѣ, не могла наглядѣться на свою мать и часто повторяла:—

— Какое счастье, что я получила воспитаніе въ крестьянской семьѣ! Теперь я знаю, кому дѣйствительно нужно помочь!

КОНЕЦЪ.

ЛѢТОМЪ.

Зацвѣла пшеница въ полѣ,
Ужъ траву косить хотятъ,
Дѣти бѣгаютъ на волѣ,
Лѣтомъ—счастье для ребятъ.

Небо шлетъ имъ свои ласки,
Рѣчка шепчетъ свои сказки,
И восторгомъ милымъ глазки
Дѣтскіе горятъ.

Жарко... Хочется купаться...
И бѣгутъ дѣтишки въ прудъ,

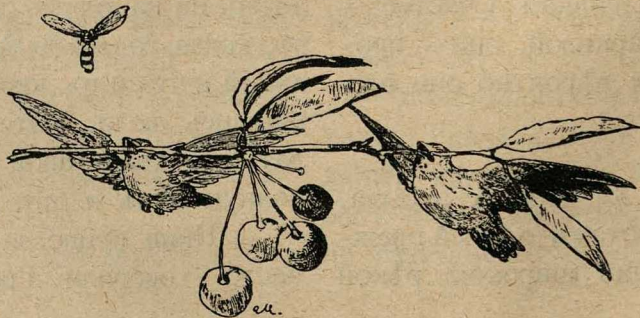
Начинаютъ тамъ плескаться,
Брызжутъ, плаваютъ, орутъ...

Комары имъ жалятъ спину,
А они залзутъ въ тину,
Ловятъ рыбу за щетину.
И домой несутъ.

И, набѣгавшись до сыта,
Прибѣгаютъ со двора,
Лягутъ спать, и все забыто...
Милая пора!

Спите-жъ, милые ребятки,
Спите крѣпче, спите сладко,
Я-жъ для васъ зажгу лампадку...
Спите до утра!

Ирисъ

СКАЗКИ О РОЗАХЪ.

1. Роза Персіи.

Въ четырнадцатомъ вѣкѣ въ Персіи былъ человекъ, который такъ хорошо сочинялъ стихи, что слава о немъ распространилась по всей Азіи. Звали его Хафизъ. Кто-бы ни были его читатели, старый или молодой, бѣдный или богатый, — всѣ они старались какъ можно скорѣе заучить наизусть его вдохновенныя произведенія. Даже великій полководецъ и предводитель татарскихъ полчищъ Тамерланъ, который навелъ своею жестокостію ужасъ чуть не на цѣлые полъ-міра, и тотъ восхищался стихотвореніями Хафиза. Онъ приказывалъ ихъ себѣ читать, любилъ слушать ихъ и разъ даже сказалъ:

— О, если-бы мнѣ хотъ разъ пришлось повидать Хафиза!

Какая похвала заключалась въ этихъ немногихъ словахъ! Они исходили изъ устъ безжалостнаго Тамерлана, этого страшнаго человека, который оставлялъ въ развалинахъ все позади себя, а впереди все предавалъ огню и мечу, и который обладалъ душою звѣря, а не человека!

Не смотря на всю свою славу, Хафизъ отличался простотой и нисколько не былъ горделивъ. Онъ велъ простую жизнь, почти не выходилъ изъ своего дома, который онъ купилъ въ окрестностяхъ Ши-

раза, этого большого персидскаго города, который въ то время былъ такъ хорошъ и богатъ, что его прозвали «Розой Персіи». И дѣйствительно, какъ роза представляетъ собою царицу цвѣтовъ, такъ и Ширазъ превосходилъ по своей красотѣ всѣ другіе города Персіи.

Домикъ Хафиза былъ очень малъ. Невысокая живая изгородь отдѣляла его отъ дороги. Крыша на домикѣ была плоская и въ немъ были всего только одна дверь и два окна. Мебель была только самая необходимая и ничего не было такого, что хотъ сколько-нибудь намекало бы на роскошь. Хафизъ былъ совершенно равнодушенъ къ тому, что люди изобрѣтали себѣ для удовольствій. Онъ говорилъ: — «Ничто не можетъ доставить столько наслажденія, сколько природа», и показывалъ при этомъ на розы, которыя росли вокругъ его жилища. Это были роскошныя розы, которыя цвѣли цѣлый годъ: бѣлыя, розовыя, красныя и желтыя. Онъ самъ ухаживалъ за ними, самъ ихъ сажалъ и такъ ихъ любилъ, что называлъ ихъ своими радостью и богатствомъ.

Однажды утромъ 1386 года Хафизъ всталъ едва проснулись птицы, чтобы записать тѣ стихи, которые онъ придумалъ ночью. Но когда онъ

доставалъ для этого бумагу, то за стѣною вдругъ слышались чьи-то дѣтскіе шаги. Въ удивленіи онъ подошелъ къ окошку, высунулся изъ него и увидалъ маленькую дѣвочку, которая срывала его розы и наполняла ими свою корзинку.

Она была очень изящна и нѣжна и не смотря на то, что была одѣта въ лохмотья, на нее было пріятно смотреть. Ей казалось на видъ не болѣе десяти лѣтъ, и всѣ ея движенія были быстры, увѣренны и красивы. Въ одну минуту она набрала цѣлый громадный букетъ превосходныхъ розъ и, какъ фея, едва касаясь своими босыми ножками травы, скрылась неизвѣстно куда.

Удивленіе и негодованіе Хафиза были таковы, что въ первую минуту онъ не могъ даже крикнуть. А когда онъ собрался это сдѣлать, то было уже поздно. Угрюмый и скучный, онъ принялся за свои стихи, но они больше уже къ нему не приходили на умъ и онъ никакъ не могъ припомнить выраженій.

— Надо придумать что-нибудь другое! проворчалъ онъ.

И подумавъ съ минуту, онъ написалъ слѣдующіе стихи:

«Оставь розу на томъ мѣстѣ, гдѣ она растетъ! Когда ты срываешь ее, то она умираетъ такъ-же, какъ и ты, теряя свои обаяніе и красоту. Оставь же розу расти! Неужели ты срываешь ее затѣмъ, чтобы лишить ее того, что она имѣетъ? Сорвавши ее, сможешь-ли ты возвратить ей

снова ея прежніе прелести и ароматъ? Оставь-же ее расти! И если ты не сорвешь ее, если ты оставишь ее на стеблѣ, то всякій скажетъ:— «Какой ты мудрецъ, какая у тебя великая душа! А если ты ее сорвешь, то всякій скажетъ:— «О, жестокая рука, о, безжалостное сердце!» Оставь-же розу расти тамъ, гдѣ она растетъ!»

На слѣдующее утро, на зарѣ, Хафизъ уже былъ насторожѣ, ожидая, что къ нему опять придетъ его маленькая воровка. И она, дѣйствительно, пришла, какъ и вчера, и, какъ и вчера, наполнила свою корзинку розами и быстро убѣжала.

«Нужно узнать, подумалъ Хафизъ,—для чего именно ей нужны эти розы, что она такъ безжалостно обкрадываетъ меня».

И, взявши палку, онъ послѣдовалъ за нею, но держался такъ, что она его не замѣчала вовсе.

Дѣвочка направилась къ Ширазу. Дойдя до города, она вошла въ него и по узкимъ, извилистымъ улицамъ добѣжала до базара.

Здѣсь было шумно и взадъ и впередъ ходило множество народа. Благородные персы въ высокихъ каракулевыхъ шапкахъ толкались вмѣстѣ съ ремесленниками съ бритыми головами и рядомъ съ крестьянами, которые продавали въ корзинахъ фрукты, бродили знатныя персидскія дамы подъ вуалями, изъ-за которыхъ виднѣлись массивные золотые браслеты на шеяхъ и рукахъ.

Выждавъ, когда самая знатная изъ нихъ проходила мимо, дѣвочка дернула ее за одежду.

— Купите эти прелестные цвѣты, обратилась она къ ней.— Они такъ же прекрасны, какъ и вы.

Дама взяла отъ нея розы и заплатила за нихъ въ пять разъ дороже, чѣмъ они стоили на базарѣ.

«Посмотримъ теперь, подумалъ Хафизъ,— что эта плутовка будетъ дѣлать съ деньгами!»

Дѣвочка подошла къ палаткѣ торговки и купила у нея одежду съ сѣрыми и голубыми полосками.

— Эге! Да она любитъ наряжаться! проворчалъ, глядя на нее, Хафизъ.

Затѣмъ она побѣжала въ одну изъ лавокъ и купила тамъ кусокъ жареной птицы и нѣсколько пышекъ, сваренныхъ въ маслѣ.

Хафизъ пробормоталъ:— «Да она и лакомка!»

Послѣ этого дѣвочка купила еще фруктовъ и сластей, забрала все это къ себѣ въ корзину и побѣжала по узенькимъ улицамъ въ глубину города, гдѣ остановилась около такой жалкой хижины, какую только можно себѣ представить.

Постучавъ въ дверь, она вошла въ нее. Хафизъ отыскалъ дырочку въ стѣнѣ и сталъ въ нее глядѣть. Онъ увидалъ передъ собою какую-то жалкую берлогу, въ которой не было ничего. Въ углу, на кучѣ гнилой соломы лежала изсохшая женщина, такъ что видны были ея кости. Ея одежда состояла всего только

изъ одного куска мѣшечнаго холста, который былъ склотивъ четырема булавками у нея на плечахъ. Хафизъ сразу-же понялъ, что въ этой берлогѣ свилъ себѣ гнѣздо голодъ.

Дѣвочка подошла къ голодавшей женщинѣ и присѣла къ ней.

— Кушай... сказала она ей ласковымъ голоскомъ.— Возстанови свои силы. Посмотри на эти румяныя пышки, какъ вкусно онѣ пахнутъ! А этотъ кусочекъ птицы! Кушай ихъ, моя дорогая!.. Я принесла все это тебѣ. А потомъ ты снимешь съ себя этотъ мѣшокъ и надѣнешь вотъ это платьѣ съ сѣрыми и голубыми полосками.

Хафизъ слышалъ все это и когда дѣвочка вышла изъ берлоги, остановилъ ее и приласкалъ ее по щекѣ.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ онъ ее.

— Рухія, отвѣчала она.

— А эта женщина—твоя мать?

— Нѣтъ!

— Значитъ, родственница?

— Нѣтъ. Я знаю ее только третій день и совсѣмъ не знаю, кто она такая. Она очень слаба, умерала съ голоду и вотъ уже второй день, какъ я приношу ей пищу.

— Но вѣдь ты тоже бѣдна?

— Самая бѣдная изъ всѣхъ бѣдныхъ на свѣтѣ и совершенно одинокая. Я верчу на канатномъ заводѣ колесо и тѣмъ добываю себѣ хлѣбъ.

— Гдѣ-же ты достала столько денегъ, что могла такъ щедро помочь этой женщинѣ?

— Я занималась...

Она смуглилась и покраснѣла.

— Я занималась... продолжала она.—Какъ тяжело мнѣ это сказать! Я занималась воровствомъ. Я крала у одного человѣка розы. Это такъ нехорошо дѣлать! Но если бы я не рѣшилась на это, то я не спасла бы эту несчастную женщину и она умерла бы. Вотъ и все мое оправданіе. Какъ-бы мнѣ хотѣлось, чтобы все это зналъ владѣлецъ розъ!

— Я этотъ владѣлецъ! отвѣтилъ Хафизъ.

Рухія хотѣла-было убѣжать, но онъ взялъ ее за руки, сталъ ее ласкать и объявилъ ей, что съ этого дня онъ будетъ смотрѣть на нее, какъ на родную дочь, беретъ ее къ себѣ и поручаетъ ей свой домикъ, въ которомъ хватить мѣста и на двоихъ.

А объ этой несчастной женщинѣ теперь уже позаботится онъ самъ.

Такъ онъ и поступилъ. Цѣлый годъ Хафизъ и Рухія прожили вмѣстѣ, одинъ около другого. Она называла его отцомъ, а онъ окружалъ ее заботами, какъ настоящій отецъ. Онъ разговаривалъ съ ней, какъ съ большой, любилъ, когда она смѣялась, и читалъ ей свои стихи. Она любила ихъ и всѣ ихъ заучила наизусть.

Но страшная вѣсть распространилась затѣмъ по всей Персіи и встревожила и нашихъ обитателей хижинъ, обросшей розами, которыхъ теперь уже никто больше не воровалъ.

Съ ордами своихъ дикихъ азіатовъ, къ Ширазу подступалъ ужасный Тамерланъ и рѣшилъ сдѣлать изъ него тоже, что сдѣлалъ и съ сотнями другихъ городовъ: превратить его въ кучу пепла. О сопротивленіи ему не могло быть и рѣчи и населеніе прекраснаго города ожидало Тамерлана, какъ конца міра.

Увы! его не нужно было долго поджидать! Въ одно утро онъ самъ явился подъ стѣнами города Шираза и жителямъ ничего больше не оставалось дѣлать, какъ выйти къ нему на встрѣчу и умолять.

Вообразите: съ одной стороны татарская армія, тысячи человѣкъ съ раскосыми глазами, выдающимися скулами и приплюснутыми носами, а съ другой—кучка гражданъ въ красивыхъ нарядахъ, съ красивыми благородными лицами, по которымъ ручьями струятся слезы. Посрединѣ—Тамерланъ съ лицомъ мясника, съ медвѣжьей шкурой на плечахъ и съ дубиной въ рукахъ, на которую онъ опирается, будучи хромъ.

Павши на колѣни передъ повелителемъ татаръ, гордые жители Шираза ему сказали:

— Отнынѣ ты будешь нашимъ владыкой, нашимъ царемъ, и мы будемъ платить тебѣ дань, какую только ты ни пожелаешь. Но пощади наши дома и наши храмы. Не разрушай нашего города!..

Тамерланъ не далъ имъ договорить и изо всѣхъ силъ ударилъ своей дубиной о придорожный камень.

— Съ такимъ-же успѣхомъ, сказалъ онъ,—вы можете говорить объ этомъ и съ этимъ камнемъ!

И онъ уже повернулъ голову, чтобы отдать своимъ войскамъ приказанія, какъ въ эту минуту вышла изъ толпы Рухія и потянула за собою за руку Хафиза.

— Приблизься къ этому гордецу, шепнула она ему на ухо.—Постарайся растрогать его своими стихами!

Она тащила его за руку, и онъ, весь дрожа отъ страха, съ неохотой долженъ былъ предстать передъ очами грознаго повелителя Востока.

— Что это за человѣкъ? закричалъ Тамерланъ.

— Это Хафизъ, отвѣчала дѣвочка,—онъ пишетъ прекрасные стихи...

Лицо Тамерлана просіяло.

— Хафизъ, обратился онъ къ стихотворцу.—Я доволенъ, что тебя наконецъ увидѣлъ. На мой взглядъ на всемъ свѣтѣ только и есть двѣ дѣйствительно важныя вещи: это побѣды и стихи... Я побѣдилъ уже полмира, расскажи-жи мнѣ теперь стихи!

— Я повинуюсь тебѣ, владыка,—забормоталъ Хафизъ.

Но въ эту тяжкую минуту онъ позабылъ все, что когда-либо сочинилъ. Онъ сталъ припоминать, переходилъ отъ одного стихотворенія къ другому и никакъ не могъ остановиться ни на одномъ. Къ счастью, ему пришла на помощь Рухія, которая ему подсказала:

«Оставь розу на томъ мѣстѣ, гдѣ она растетъ...»

Хафизъ тотчасъ-же догадался, почему именно это стихотвореніе она подсказала ему, а не другое. Бодрость вернулась къ нему, онъ выпрямился и взволнованнымъ голосомъ сталъ читать:

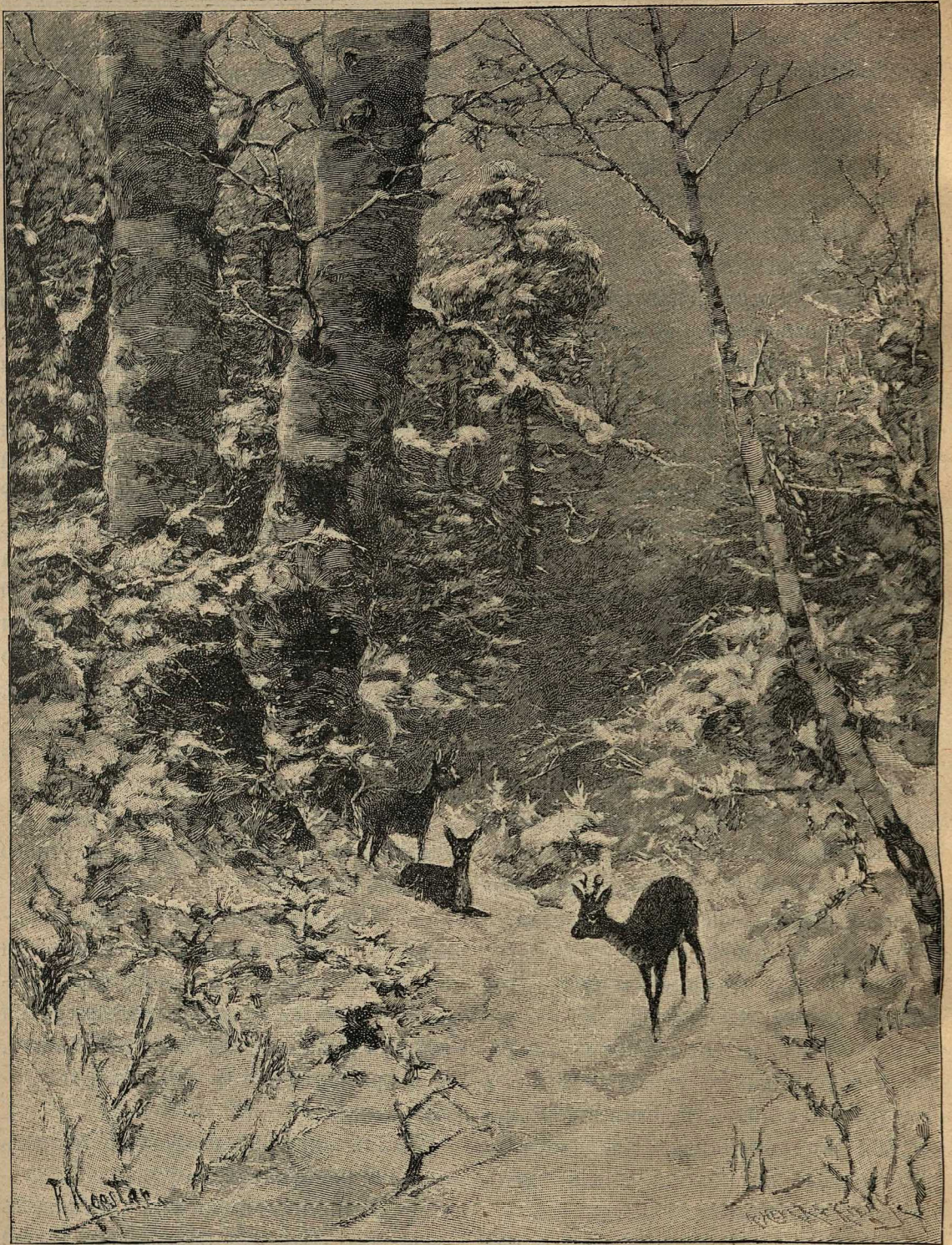
«Оставь розу на томъ мѣстѣ, гдѣ она растетъ! Когда ты срываешь ее, то она умираетъ такъ-же, какъ и ты, теряя свои обаяніе и красоту. Оставь-же розу расти! Неужели ты срываешь ее затѣмъ, чтобы лишить ее того, что она имѣетъ? Сорвавши ее, сможешь-ли ты возратить ей снова ея прежніе прелесть и ароматъ? Оставь-же ее расти! И если ты не сорвешь ее, если ты оставишь ее на стеблѣ, то всякій скажетъ:—«какой ты мудрецъ, какая у тебя великая душа!» А если ты ее сорвешь, то всякій скажетъ:—«О, жестокія руки, о, безжалостное сердце!» Оставь-же розу расти тамъ, гдѣ она растетъ!»

Когда онъ кончилъ, всѣ граждане окружили его, стали цѣловать у него руки и одежду.

— Прекрасные стихи! сказалъ наконецъ Тамерланъ.—Они растрогали меня. Но совѣтъ, который они заключаютъ въ себѣ, не можетъ относиться ко мнѣ, такъ какъ я не изъ тѣхъ, кто срываетъ розы для своего удовольствія.

Хафизъ протянулъ руку и указалъ ему на прекрасный городъ.

— Вспомни, повелитель, сказалъ онъ,—что Ширазъ называется Розой Персіи!

Въ дремучемъ лѣсу.

Котятки.

Тамерланъ сталъ кусать себѣ губы, гнѣвно сверкнулъ очами и послѣ долгаго раздумья обратился къ своимъ войскамъ:

— Идите отсюда назадъ! скомандовалъ онъ имъ.

И войдя въ городъ одинъ, онъ пощадилъ его, предоставилъ ему попрежнему расцвѣтать, и остановился въ хижинѣ Хафиза.

— Это твоя дочь? спросилъ онъ стихотворца.

— Нѣтъ... отвѣчалъ Хафизъ.— Это мой приемышъ.

И онъ разсказалъ Тамерлану все. Великій повелитель подозвалъ къ себѣ Рухію и положилъ ей руку на плечо.

— Отнынѣ ты будешь называться «Роза Персіи», сказалъ онъ и одаривъ ее такъ, какъ можетъ только одарить властитель міра, онъ удался изъ Шираза.

И. Дюржелъ.

Съ французскаго.

ДРУЖОКЪ и ТОМКА.

Повѣсть.

Цѣлыя толпы пассажировъ стремились какъ можно скорѣе взойти на бортъ парохода «Байронъ», который долженъ былъ сняться съ якоря и отправиться изъ Алжира въ Марсель.

Свѣтило яркое африканское солнце, Средиземное море плескалось у береговыхъ камней, и ярко-бѣлая постройки Алжира казались еще бѣлѣе на темно-синемъ фонѣ южнаго неба. Не смотря на утро, было жарко и высокія финиковыя пальмы чуть слышно шелестѣли своими перистыми вѣтвями въ воздухѣ.

Какая-то дама, протискавшись наконецъ сквозь толпу, въ послѣдній

разъ старалась дать свои наставленія дѣвочкѣ лѣтъ восьми и сопровождавшему ее черному пуделю, который съ важнымъ видомъ выслушивалъ ее, стараясь не проронить ни одного ея слова и внимательно глядя ей въ самые глаза, точно въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ навсегда запечатлѣть ихъ въ своей памяти.

— Слышишь, Дружокъ?— обращалась къ нему дама.— Я поручаю тебѣ Соню. Ты долженъ охранять ее день и ночь. Ты понимаешь меня?

Дружокъ протягивалъ къ ней лапу, а потомъ подавалъ другую лапу дѣвочкѣ, точно хотѣлъ этимъ торже-

ственно показать, что онъ понимаетъ ея слова и обѣщается исполнить ихъ во что-бы то ни стало.

— Хорошо, хорошо, Дружокъ, — ласкала его дама. — Ты хорошая собака. Я полагаюсь на тебя, какъ на человѣка.

А затѣмъ, обратившись къ Сонѣ, дама протянула къ ней сумочку, которую держала до этого у себя подъ манто.

— Ты не забыла, что я говорила тебѣ относительно этой сумочки? — спросила она ее съ таинственнымъ видомъ.

— Нѣтъ, мистрисъ Симсонъ, я не забыла... — отвѣтила Соня. — Я помню все. Я буду беречь эту сумочку до самой Россіи.

— Ты мнѣ это обѣщаешь?

— Да, мистрисъ Симсонъ, я не отдамъ ее никому!

Немного въ сторонѣ стояла какая-то другая дама, очень роскошно одѣтая, которая ни на минуту не сводила глазъ съ г-жи Симсонъ, Сони и Дружка и старалась прислушаться къ малѣйшему ихъ шепоту. Какой-то странный блескъ засвѣтился въ ея глазахъ, когда она увидала сумочку г-жи Симсонъ.

Зазвонилъ звонокъ, загудѣлъ гудокъ и всѣхъ провожающихъ попросили сойти съ парохода.

— Прощай, Соня! — обратилась къ дѣвчкѣ англичанка. — Прощай, мое дорогое дитя!.. Счастливаго тебѣ пути!.. Кланяйся въ Россіи всѣмъ моимъ знакомымъ и береги себя! При-

шли мнѣ изъ Марселя телеграмму... Я заказала тамъ для тебя номеръ въ гостинницѣ... Тебя встрѣтятъ прямо на пароходѣ. Я послала туда твою фотографическую карточку, чтобы тебя узнали, такъ что ты не бойся, когда тебя посадятъ въ экипажъ и затѣмъ въ поѣздъ. Спроси только эту карточку и мое письмо къ нимъ... Больше ничего... Это не такая гостинница, чтобы тебя кто-нибудь обидилъ... Отель «Александрія»... Помни: «Александрія!» А когда пріѣдешь къ тетѣ въ Россію, то напиши мнѣ длинное письмо. Все время я буду беспокоиться, какъ ты доѣдешь и какъ приметь тебя тетя. Прощай еще разъ! Ну, дай я тебя поцѣлую!

Она горячо обняла Соню, поцѣловала ее въ обѣ щеки и сошла съ парохода. Уже стоя на берегу, она крикнула къ Сонѣ:

— А о могилкѣ твоей мамы я позабочусь! Ты не беспокойся! Каждый день я буду класть на нее свѣжіе цвѣты!

При этой послѣдней фразѣ слезы навернулись на глазахъ у Сони.

— Мерси, мистрисъ Симсонъ! — закричала она ей. — Прощайте!

Раздался послѣдній свистокъ и пароходъ медленно сталъ отдѣляться отъ берега. Г-жа Симсонъ замахала Сонѣ платкомъ.

— Счастливаго пути! — закричала она съ берега. — Будь осторожна, береги себя! Да сохрани тебѣ Богъ!

Пароходъ выпустилъ клубы дыма, заработалъ винтомъ сильнѣе и скоро

весь Алжиръ остался уже позади. Далеко на берегу стояла г-жа Симсонъ и махала Сонѣ платкомъ, а затѣмъ скрылась и она. Пароходы, лодки и лодочки, мимо которыхъ проходилъ «Байронъ», стали попадаться все рѣже и рѣже и наконецъ передъ глазами Сони открылось синее необъятное Средиземное море, покрытое ярко-бѣлыми барашками волнъ, и потянулся позади парохода далекій зеленоватый слѣдъ, оставленный его могучимъ винтомъ.

Оставшись одна, Соня почувствовала себя безнадежно одинокой, сѣла на диванчикъ и залилась горячими слезами. Дружокъ стоялъ около нея, лизалъ ей руки и жалобно скулилъ.

Изящная бѣлокурая дама, которая раньше наблюдала за г-жей Симсонъ и Соней, подошла къ ней и сѣла рядомъ съ нею.

— У васъ, вѣроятно, какое-нибудь горе?—обратилась она къ дѣвочкѣ, стараясь придать своему голосу какъ можно больше ласковости и съ участіемъ заглянувъ ей въ самые глаза.

Дружокъ заворчалъ и такъ оскалилъ зубы, что дама испугалась, вскочила съ мѣста и сдѣлала два шага назадъ.

— Какая противная собака!—проговорила она.

— Нѣтъ, сударыня, — возразила Соня, — Дружокъ очень добрая собака. Мистрисъ Симсонъ даже поручила ей меня. Онъ понимаетъ все, какъ человѣкъ.

— А если онъ такъ уменъ, какъ вы говорите, то онъ долженъ былъ бы понимать, съ какимъ чувствомъ я къ вамъ отношусь. Я хочу васъ утѣшить, хочу быть вамъ полезной.

— Мерси...

Соня нѣсколько разъ строго взглянула на Дружка и онъ съ неохотой успокоился и покорно улегся у ногъ своей госпожи. Но во все время ихъ разговора онъ не спускалъ ни на одну минуту враждебныхъ глазъ съ этой дамы.

Дама снова сѣла рядомъ съ Соней.

— Вы говорите, мистрисъ Симсонъ? — спросила она. — Развѣ это была не ваша мама?

— Нѣтъ, отвѣтила Соня. — Это моя бывшая гувернантка. Моя мама была очень больна, пріѣхала сюда лечиться, но скоро умерла. Мы прожили здѣсь съ гувернанткой и съ Дружкомъ болѣе года и вотъ я возвращаюсь обратно къ тетѣ!

— А почему же васъ не сопровождаетъ гувернантка?

— Она вышла въ Алжирѣ замужъ за г-на Симсона и должна остаться тамъ навсегда.

— А вашъ папа?

— Онъ умеръ въ Россіи, когда мнѣ было еще два года, и я его не помню.

Дама нѣсколько времени помолчала.

— Вы отправляетесь въ Россію къ роднымъ?—спросила она опять.

— Да, къ тетѣ... — отвѣчала Соня. — У мамы былъ двоюродный братъ, дядя Коля, но онъ тоже умеръ; по-

слѣ него осталась тетя Катя, къ которой я и ѣду.

— Что-же, она очень добра? Она васъ любитъ?

— Не знаю, сударыня, я еще не видѣла ее ни разу.

— Почему же вы ѣдете именно къ ней?

— Потому что у меня больше нѣтъ никого родныхъ и кромѣ того мама завѣщала ей свои брилліанты за то, что она будетъ воспитывать меня и содержать.

— Эти брилліанты остались въ Россіи?

— Нѣтъ, сударыня, я везу ихъ съ собою въ этой сумочкѣ. Мистрисъ Симсонъ хотѣла послать ихъ по почтѣ, но боялась, что они могутъ потеряться.

Глаза дамы сверкнули.

— Значитъ, вы лучше хотѣли-бы остаться въ Алжирѣ у г-жи Симсонъ?

Дѣвочка опустила глаза.

— Да...—отвѣтила она.— У г-на Симсонъ, ея мужа, двое дѣтей, дѣвочка и мальчикъ... Фреда и Гарри... Я очень любила съ ними играть... Они такіе славные!

— А гдѣ живетъ въ Россіи ваша тетя?

— Недалеко отъ Ялты, въ Крыму.

— Въ какомъ-же именно мѣстѣ?

— Ея адресъ лежитъ въ этой сумочкѣ... Тогда посмотрю... Впрочемъ, я запомнила его и наизусть.

Дама нахмурилась.

— Это хорошо...—сказала она.—

Никогда не надо забывать свой адресъ. Есть у васъ багажъ?

— Да... Большая корзина, вотъ этакой вышины.

— Гдѣ она?

— Внизу у меня въ каютѣ.

— На вашемъ мѣстѣ я положила бы туда и эту вашу сумочку. Тамъ она была бы цѣлѣе. Вѣдь вы рано или поздно ее потеряете.

— Корзина полна до самого верха. Кромѣ того, я не люблю играть въ куклы и мнѣ не зачѣмъ открывать ее. Самыя лучшія свои игрушки я оставила на память Фредѣ и Гарри. У меня была большая кукла, ростомъ съ маленькаго ребенка. Она закрывала глаза и умѣла говорить: «папа»

— Я хочу васъ утѣшить, хочу быть вамъ полезной.

и «мама». Я подарила ее двоюродной сестрѣ Фреды—Мери.

— Такъ вы говорите, что въ этой сумочкѣ у васъ брилліанты?

— Тссс!. — сказала дѣвочка, понизивъ голосъ. — Не надо говорить такъ громко. Кто-нибудь можетъ услышать! Мистрисъ Симсонъ строго запретила мнѣ говорить объ этомъ вслухъ. Въ этой сумочкѣ брилліанты моей покойной мамы. Кромѣ того въ ней лежатъ еще деньги, необходимыя мнѣ для дороги.

— Во всякомъ случаѣ, — сказала дама, — не годится таскать эту сумочку повсюду съ собой. Вы можете ее потерять или гдѣ нибудь забыть. Дайте мнѣ ее на сохраненіе. Я положу ее къ себѣ въ сундукъ и буду беречь ее вмѣстѣ со своими драгоценностями и деньгами. Мой сундукъ запирается секретнымъ замкомъ и ни одинъ воръ не сдумѣетъ въ него залѣзть. Въ немъ ваша сумочка будетъ въ большей безопасности, чѣмъ въ вашихъ рукахъ, и я тотчасъ-же возвращу вамъ ее, какъ мы прибудемъ въ Марсель.

Счастливая отдѣлаться отъ сумочки, которая уже начинала ее пугать и надоѣдать ей, Соня съ радостью протянула ее къ неизвѣстной дамѣ...

Какъ вдругъ изъ-подъ диванчика выскочилъ Дружокъ, оскалилъ зубы, зарычалъ, схватилъ сумочку въ зубы и, несмотря ни на какія просьбы и на строгости, такъ ее и не отдалъ.

Дама обидѣлась на Дружка и на Соню, что она не сдумѣла отнять у

него сумочку, и къ горькому сожалѣнію дѣвочки, круто повернулась къ ней спиною и ушла. Такъ Соня и не видала ее уже больше ни разу до самаго обѣда.

Зазвонили къ столу. Полная страха, дѣвочка спустилась внизъ и сѣла за самый уголокъ стола. Она ожидала, что добрая дама, которая такъ участливо отнеслась къ ея брилліантамъ, придетъ къ ней и накормитъ ее обѣдомъ, но дама эта усѣлась во главѣ стола въ обществѣ какихъ-то хорошо одѣтыхъ мужчинъ. Они весело разговаривали и дама звонко смѣялась, показывая свои бѣлые блестящіе зубы. На ней было роскошное платьѣ и масса драгоценностей блистала у нея на шеѣ и на рукахъ.

Обѣдъ кончился, но и послѣ него дама не обратила ни разу никакого вниманія на Соню. Соня ласково поглядывала на нее, долго ждала ее, но потомъ, усталая и печальная, сошла къ себѣ въ каюту, гдѣ ее съ нетерпѣніемъ ожидалъ Дружокъ.

Увидѣвъ ее, онъ радостно взвизнулъ, бросился къ ней со всѣхъ ногъ и сталъ лизать ей руки и вилить передъ нею хвостомъ.

Соня испытывала какой-то непонятный страхъ. Сердце ея билось. Въ первый разъ въ жизни она совершала такое большое путешествіе одна и ее смущали и незнакомыя лица пассажировъ, и одиночество, и громкій шумъ волнъ, ударявшихся о пароходъ.

Она плыла по необъятному Средиземному морю, спускался вечеръ, ей

хотѣлось спать и отъ мѣрныхъ покачиваній парохода кружилась голова. Съ какимъ наслажденіемъ она протянула бы теперь свои ножки на мягкой, уютной кроваткѣ въ дѣтской у мистрисъ Симсонъ!

Вдругъ кто-то тихонько постучался къ ней въ каюту. Она не отвѣтила изъ боязни, но дверь отворилась и, не дожидаясь ея отвѣта, къ ней вошла незнакомая дама, все еще бывшая въ своемъ роскошномъ нарядѣ и сверкавшая драгоценностями, какъ сказочная фея.

— Нынче ночью будетъ буря,— сказала она.—Вы не боитесь остаться одной, дитя мое?

— Да, отвѣтила Соня,—я очень боюсь.

— Я такъ и думала... Въ вашей каютѣ двѣ койки... Хотите, я приду къ вамъ ночевать?

— Ахъ, пожалуйста... отвѣтила Соня, искренно обрадовавшись, что будетъ не одна.

Но Дружокъ взглянулъ на это иначе. Онъ ни за что не хотѣлъ согласиться впустить въ каюту къ своей госпожѣ кого-нибудь чужого. Злобно заворчавъ, оскаливъ свои зубы, онъ бросился на даму и хотѣлъ ее укунить. Но она во время успѣла выскочить изъ каюты и запереть за собою дверь.

Соня закричала на него, даже хотѣла было его ударить плеткой, но онъ взглянулъ на нее такими умными, умоляющими глазами, что у нея не хватило силы это сдѣлать.

Затѣмъ онъ положилъ ей лапу на колѣно и сталъ такъ скулить, точно хотѣлъ ее о чемъ-то предупредить.

Прождавъ нѣсколько времени даму и, убѣдившись, что она уже не придетъ, Соня раздѣлась и легла спать, а ея вѣрный Дружокъ сѣлъ около ея сундука и цѣлую ночь не смыкалъ глазъ, сторожа ея покой.

На слѣдующее утро, когда дама вышла на площадку, чтобы прогуляться и подышать чистымъ воздухомъ, она увидѣла Соню сидѣвшую въ сторонкѣ въ обществѣ своего вѣрнаго Дружка, и тотчасъ-же замѣтила, что въ рукахъ у нея уже не было сумочки съ брилліантами.

Не смотря на пріемъ, который оказалъ ей вчера Дружокъ, она смѣло подошла къ дѣвочкѣ.

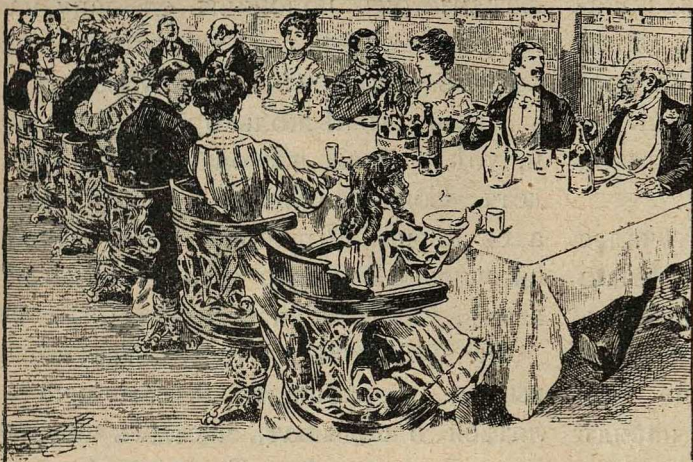
— Какъ вы провели ночь, дитя мое?—спросила она ее съ участіемъ.

— Благодарю васъ, отвѣтила Соня и сдѣлала ей реверансъ.—Я крѣпко спала...

— Это хорошо... Я много думала о васъ... А гдѣ ваша завѣтная сумочка?.. Не потеряли-ли вы ее?

— Нѣтъ, сударыня... Все время Дружокъ ее держалъ въ зубахъ. Сегодня утромъ мнѣ захотѣлось поиграть въ игрушки, я отперла свою корзину, достала оттуда куклу, а сумочку положила на самое дно. Тамъ ей хорошо.

— Гораздо было-бы лучше, если бы вы отдали ее на сохраненіе мнѣ. Выходя вчера отъ васъ, я замѣтила около вашей каюты какого-то подо-

Дѣвочка спустилась внизъ и сѣла за самый уголокъ стола.

зрительнаго человѣка, который, по-видимому, подстерегалъ васъ... Здѣсь вѣдь такъ много воровъ!

Сказавъ эти запугивающія слова, она удалилась. Соня не видала ее опять вплоть до самаго вечера, когда зазвонили къ обѣду. Передъ тѣмъ, какъ садиться за столъ, дама подошла къ ней и съ таинственнымъ видомъ ей сказала:

— Мнѣ пришла въ голову счастливая мысль... Вашъ Дружокъ сейчасъ въ вашей каютѣ?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ я сейчасъ же послѣ обѣда отправлюсь къ себѣ въ каюту, а вы достаньте изъ вашей корзины сумочку съ драгоценностями и приходите тотчасъ-же ко мнѣ. Я спрячу ее вмѣстѣ со своими бриллиантами и возвращу вамъ ихъ тотчасъ-же, какъ мы прїедемъ въ Марсель. Такимъ образомъ вы будете совершенно спокойны. Только поспѣ-

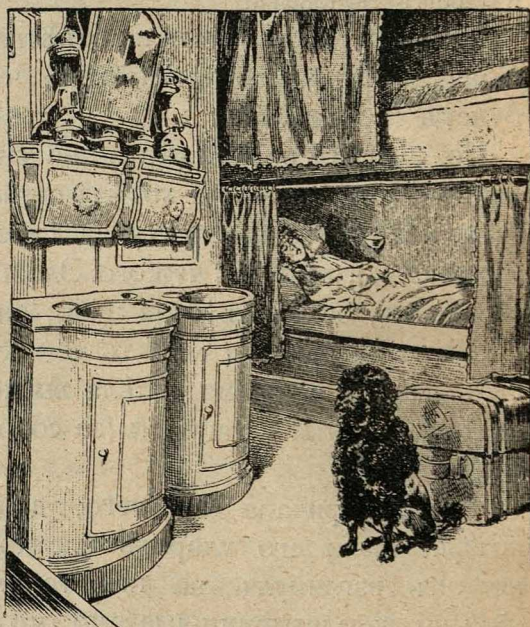
шите, пожалуйста, и не выпускайте изъ вашей каюты Дружка!

При видѣ возвратившейся изъ столовой Сони Дружокъ, какъ и всегда, бросился къ ней съ радостнымъ визгомъ и сталъ смотрѣть ей прямо въ глаза; она подошла къ своей корзинѣ, отперла ее, достала изъ нея сумочку и только что хотѣла положить ее на туалетъ, какъ Дружокъ под-

скочилъ къ ней и вырвалъ у нея сумочку изъ рукъ.

— Ахъ, перестань, Дружокъ!... — крикнула на него Соня и слегка ударила его по мордѣ.— Отдай сюда!

Она отняла отъ него сумочку и направилась съ нею къ двери, а онъ

Соня раздѣлась и легла спать.

— Знаете что, дѣтки? Отнесите-ка эту рыбку обратно въ рѣчку!

послѣдовалъ за нею, жалостно глядя на нее своими большими круглыми глазами, точно желая предостеречь ее отъ того, что она хотѣла дѣлать, или попросить ее и его взять съ собою наверхъ. Но она отогнала его, заперла за нимъ дверь и отправилась одна. Онъ сталъ жалобно выть ей вслѣдъ и царапаться въ дверь. Но Соня его не слыхала и скоро была уже у незнакомой дамы.

— Вотъ и хорошо! — сказала та, принимая отъ нея сумочку. — Теперь ваши брилліанты будутъ въ надежныхъ рукахъ.

— Тамъ есть и деньги... — сказала Соня. — Онѣ мнѣ понадобятся въ дорогѣ.

— Я все возвращу вамъ въ Марселѣ, въ гостинницѣ, въ которой мы остановимся вмѣстѣ. — Вѣдь вы тамъ переночуете хоть одну ночь? Не сразу-же вы сядете въ поѣздъ?

— Да, да... Мистрисъ Симсонъ заказала тамъ для меня въ гостинницѣ номеръ...

— Въ какой?..

Соня подумала.

— Вы не знаете? — спросила дама.

— Нѣтъ, не помню... Адресъ у меня въ сумочкѣ, которая у васъ.

— Ну, хорошо, мы еще успѣемъ посмотреть... А теперь — покойной ночи, дитя мое. Я такъ хочу спать, что едва стою на ногахъ.

Дѣвочка ушла обратно къ себѣ въ каюту, а дама, оставшись одна, вынула изъ ея сумочки брилліанты, осмотрѣла ихъ, сосчитала деньги и глаза ея засверкали отъ удовольствія. Затѣмъ она отперла свой чемоданъ, достала изъ него свои драгоценности, въ которыхъ были вставлены не брилліанты, а простыя стекла, и положила ихъ въ сумочку Соня, а ея брилліанты спрятала къ себѣ въ чемоданъ.

— Теперь я разбогатѣла, — сказала она про себя. — Эта глупая дѣвченка повезетъ къ себѣ въ Россію простыя стекла, а ея брилліанты останутся у меня.

И ограбивъ такимъ образомъ доврчивую Соню, дама легла въ свою койку и заснула сладкимъ сномъ.

А бѣдная Соня не смыкала глазъ цѣлую ночь. Всю ночь выль ея Дружокъ и не давалъ ей спать. Онъ то подбѣгалъ къ ней и дергалъ ее за одѣяло, точно звалъ ее куда-то идти, то бѣшено бросался къ двери и начиналъ грызть на ней роскошную отдѣлку, будучи не въ силахъ отпереть замокъ.

— Уймись, Дружокъ! — говорила ему Соня. — Сядь на мѣсто! Кушъ!

Но Дружокъ не унимался и такъ проволновался до утра.

По L. Mussat.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБЪ ОМАРАХЪ.

Кому хоть разъ въ жизни посчастливилось прокатиться въ лѣтнее время на пароходѣ черезъ море на островъ Гельголандъ, тому во время этого путешествія расскажутъ, что омаръ водится не во всемъ Сѣверномъ морѣ и не на всѣхъ глубинахъ, а только у острова Гельго-ланда и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣвернѣе, по направлеңію къ Датскимъ берегамъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ омаръ ловится въ изобиліи. Не смотря на то, что этотъ ракъ представляетъ собою частое явленіе за нашимъ столомъ, когда его подаютъ въ жестянкахъ, тѣмъ не менѣе долгое время была мало извѣстна исторія его жизни и развитія. Въ виду этого намъ кажется не безынтереснымъ познакомиться нашихъ читателей съ жизнью омара.

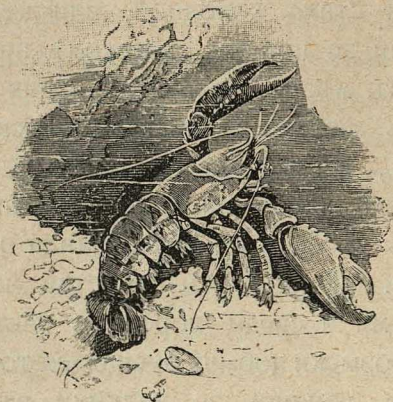
Рыбакъ, занимающійся ловлею раковъ, могъ бы сказать, что омаръ—животное, сидящее на одномъ мѣстѣ и не любящее предпринимать путешествій, подобно многимъ другимъ животнымъ. Только личинка его плаваетъ повсюду; взрослый же ракъ медленно ползаетъ по морскому дну. Если даже онъ и приподнимется вверхъ, то грузное тѣло его опять само собою опускается на дно. Иногда наблюдается какъ бы передвиженіе омаровъ цѣлыми стаями, но это объясняется или тѣмъ, что вода въ томъ

мѣстѣ стала холодной, или-же поисками за пищей на какомъ-нибудь новомъ мѣстѣ. Въ теплое время года омаръ любитъ селиться въ скалистыхъ, неровныхъ мѣстахъ на глубинѣ нѣсколькихъ саженей; а такихъ мѣстъ у береговъ Гельголанда очень много. Днемъ онъ прячется между камнями и среди морскихъ растений и на розыски добычи пускается только ночью, гоняясь за мелкими раками и за слизняками, которыхъ онъ свободно разжевываетъ крѣпкими зубами, помѣщаяющимися у него въ желудкѣ. Но болѣе всего омаръ любитъ мертвую, разлагающуюся рыбу. Вообще до мертвечины онъ большой охотникъ. Съ наступленіемъ зимы онъ отыскиваетъ глубокія мѣста съ болѣе теплою водою и съ мягкимъ и чистымъ дномъ. Здѣсь онъ съ помощью своихъ огромныхъ клешней и хвоста, выкапываетъ себѣ нору, закапывается въ нее, пятась задомъ, какъ можно глубже, и погружается въ состояніе, похожее на спячку. Въ это время онъ не ѣстъ ничего. Это же состояніе омаръ переживаетъ и въ неволѣ.

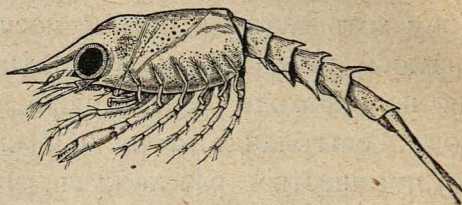
Кладка черныхъ, похожихъ на икру, яицъ происходитъ въ лѣтніе мѣсяцы—съ середины іюля до середины сентября; при этомъ яйца оказываются прикрѣпленными съ помощью особаго клейкаго вещества къ тѣлу рака и въ такомъ видѣ до

самаго вылупленія изъ нихъ личинокъ они постоянно омываются свѣжею водою. Число яицъ—различно

годно, а только разъ въ 4 года и множество вылупившихся изъ нихъ личинокъ впослѣдствіи погибаетъ,

Омаръ.

Личинка омара.

и зависитъ отъ величины и возраста рака: омаръ, вѣсомъ въ одинъ фунтъ, носитъ на себѣ отъ 8,000 до

такъ что изъ 10,000 яичекъ до полного роста доживаютъ только 2 рака. Время, въ которое изъ яичка вылупляется личинка омара, тянется въ общемъ 11 мѣсяцевъ.

Вылупившіяся изъ яицъ личинки-омары мало похожи на своихъ родителей (см. рис.) и ведутъ совсѣмъ

Ловля омаровъ.

10,000 яичекъ; двухъ-фунтовый—отъ 15,000 до 18,000 и четырехъ-фунтовый—отъ 30,000 до 36,000. Кладка яицъ происходитъ не еже-

иной образъ жизни. Онѣ свободно плаваютъ на поверхности воды и имѣютъ много враговъ и преслѣдователей. Тотчасъ по вылупленіи онѣ

начинають мѣнять скорлупу и продѣлываютъ эту операцію пять или шесть разъ въ теченіи 8 недѣль. Послѣ этого уже получается молодой омаръ. Онъ уже не плаваетъ свободно, а опускается на дно. Затѣмъ онъ сбрасываетъ съ себя кожу на первомъ году еще четыре раза и далѣе сбрасываетъ ее съ себя уже рѣдко. Старые омары въ возрастѣ отъ 20

изъ перчатки. Вылинявшій же омаръ не стѣсняется и безъ церемоніи пожираетъ свой только что сброшенный старый панцырь. Новая скорлупа на немъ очень мягка и отвердѣніе ея идетъ очень медленно, требуя для этого отъ 6 до 12 недѣль.

Достойна вниманія еще одна особенность омара. Это—способность его членовъ отдѣляться отъ тѣла

Садокъ для омаровъ.

до 30 лѣтъ достигаютъ до полуаршина длины и по всей вѣроятности уже болѣе не линяютъ и ихъ скорлупа бываетъ густо покрыта наростами.

Обычнымъ образомъ линька начинается послѣ кладки яицъ. Старая скорлупа дѣлается съ боковъ хрупкой и затѣмъ сбрасывается вся цѣликомъ. Лапки же и большія клешни выходятъ изъ старой скорлупы, какъ

по произволу. Стоитъ только какому-нибудь другому, болѣе сильному морскому животному схватить его за лапу или клешню, какъ онъ добровольно сбрасываетъ ее отъ себя и пока врагъ его управляется съ этими лапою или клешней, омаръ старается какъ можно скорѣе скрыться. Потерянные члены черезъ короткое время вырастаютъ вновь. Въ одномъ аквариумѣ жилъ омаръ въ 6 вершковъ

длиною съ потерянной лѣвой клешней. Вскорѣ на мѣстѣ пораненія образовался мясистый наростъ, который, не отвердѣвая, сталъ расти и достигъ половины длины старой клешни. Затѣмъ началось покрываніе его скорлупой, потомъ послѣдовала линька и въ концѣ-концовъ новая клешня сравнялась по величинѣ съ другою, здоровой клешней.

Ловля омаровъ составляетъ ремесло Гельгоганда.

Развитіе омара походитъ на развитіе насѣкомаго; онъ такъ же вырастаетъ изъ личинки. Видъ его отвратителенъ. Неразборчивость въ пищѣ—поразительна: онъ любитъ мертвечину и падаль и прежде другихъ животныхъ впивается въ трупы утопленниковъ и съ жадностью ихъ пожираетъ. Но и нѣтъ такихъ болѣзней, которыми не страдалъ бы ракъ; такъ, передъ началомъ гдѣ-нибудь холеры или чумы, прежде всего этими болѣзнями заболѣваетъ тамъ ракъ и массаи выползаетъ на берегъ и умираетъ. Даже дифтеритъ и сибирская язва охотно прививаются къ этому животному. Кромѣ того, въ немъ самомъ кишитъ всегда масса паразитовъ. Но человекъ неразборчивъ на пищу, было бы только вкусно, и поэтому ежегодно съ наступленіемъ весны, когда минуютъ зимніе штормы и вѣтры, начинается ловъ омаровъ, для чего уже заранѣе приготавливаются снасти и суда.

Главный аппаратъ для ловли состоитъ изъ корзины, которая напо-

минаетъ своей формой пчелиный улей. Пустыя мѣста въ его стѣнкахъ затянуты сѣтью или проволокой. На дно этой корзины кладутся плоскіе камни, а ходъ въ нее сдѣланъ въ видѣ воронки, въ которую омаръ войти можетъ, но выйти обратно уже не въ состояніи. Корзина эта похожа на употребляемая нашими рыбаками «верши». Приманка кладется внутрь этой корзинки и какъ только рыбакъ почуветъ присутствіе омара у приманки, то дергаетъ за веревку и вытаскиваетъ корзину на поверхность.

Лучшія мѣста ловли омаровъ въ Гельголандѣ лежатъ на глубинѣ приблизительно 18 саженой. Чтобы попасть на мѣста ловли, гельголандцы употребляютъ стариннаго типа лодки безъ киля, движущіяся съ помощью небольшого паруса. Въ такую лодку садятся 2 человекъ. Въ каждую лодку берется отъ 50 до 60 такихъ корзинокъ (см. рис.), которыя прикрѣпляются къ веревкамъ и опускаются на дно; веревка же плаваетъ на поверхности, благодаря пробковымъ плавкамъ.

Пойманные омары тотчасъ же вынимаются. Нужно, чтобы на морѣ свирѣпствовала очень плохая погода для того, чтобы рыбаки отказались отъ своей обычной дѣятельности. Они пускаются въ путь на своихъ утлыхъ ладьяхъ съ такою смѣлостью, что людямъ, не знакомымъ съ дѣломъ, приходится только удивляться. Сплошь и рядомъ лодка исчезаетъ на разбушевавшихся волнахъ, про-

падаетъ въ водяныхъ безднахъ, но скоро опять показывается на вершинѣ волны, управляемая твердой рукою рыбака. У пойманныхъ омаровъ немедленно связываются веревочками клешни для того, чтобы не дать имъ драться съ другими пойманными омарами. Сила этихъ клешней такъ велика, что ракъ безъ труда можетъ ими перерѣзать другого рака пополамъ. Бывали случаи, когда омары своими клешнями отрѣзывали рыбакамъ пальцы, точно ножомъ.

До отправки на рынокъ омаровъ держатъ въ плавучихъ ящикахъ-сад-

кахъ, прикрѣпленныхъ къ морскому дну съ помощью якорей, на цѣпяхъ. Ящики эти продыравлены для того, чтобы въ нихъ внутри могъ происходить постоянный обмѣнъ морской воды (см. рис.). Благодаря постоянно свѣжей водѣ, раки могутъ жить въ плѣну очень долго. Въ стоячей же, хотя бы даже самой чистой, водѣ они скоро погибаютъ. Для пересылки ихъ упаковываютъ въ корзины, перекладывая ихъ морскими растеніями и они доходятъ до мѣста назначенія живыми и свѣжими, выдерживая далакѣя и долгія путешествія.

А. Е—цынѣ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Названія какихъ рѣкъ заключаются въ слѣдующихъ фразахъ?

1) Въ нашемъ саду найдешь ты тѣнь и прохладу.

2) У маленькой Жени сейчасъ разбилась кукла.

3) Раннее утро; поетъ иволга и кричатъ грачи.

4) Весною, въ половодье, была затоплена вся наша деревня.

5) Прекрасныя мирты широко разрослись и закрыли собою домъ.

6) Развелось много комаровъ и мушекъ; сна отъ нихъ нѣтъ.

7) На днѣ пруда оказались камни.

8) Упавшая тряпка повисла на вѣткѣ.

9) Вѣтромъ повалило вазу за окно вмѣстѣ съ цвѣтами.

10) Изъ кустика малина такъ и краснѣетъ.

II.

Даны три слова:

1) —усл—=древній музыкальный инструментъ.

2) —айн—=то, что отъ всѣхъ скрываютъ.

3) —ѣпк—=огородный овощъ.

На мѣстахъ черточекъ поставить буквы такъ, чтобы первая и послѣдняя буквы этихъ словъ составили собою слоги. Всего, слѣдовательно, три слога, изъ которыхъ необходимо сложить новое слово, означающее инструментъ новыхъ временъ.

III.

Даны три слова:

1) —атв—=то, что бываетъ лѣтомъ.

2) —орл—=то, что есть у животныхъ и человѣка.

3) —усл—=то, по чему течетъ рѣка.

На мѣстахъ черточекъ поставить буквы такъ, чтобы получились задуманные слова. Затѣмъ разставить эти слова въ такомъ порядкѣ, чтобы изъ слоговъ, которые получатся изъ каждой ихъ первой и послѣдней буквъ, могло получиться новое слово, которое означаетъ предметъ, необходимый при упаковкѣ вещей.

Какія эти слова и какой это предметъ?

ШАРАДЫ.

1) Первое—предлогъ, второе—теплая матерія, а третья—французская мѣра длины; все вмѣстѣ—название цѣлой области въ Сибири. Что это?

2) Первое—то, для чего существуютъ вѣники и щетки, второе—большая рѣка въ Европѣ; все вмѣстѣ—птица. Какая это птица?

3) Первое—цѣлая связка или пачка чего-нибудь, второе—хлѣбныя зерна; все вмѣстѣ—дерево, растущее

въ теплыхъ странахъ. Какое это дерево?

4) Первое—кушанье, которое обыкновенно подаютъ къ борщу, второе—единица вѣса; все вмѣстѣ—животное, водящееся въ Сѣверныхъ водахъ. Какое это животное?

ШУТОЧНЫЕ ВОПРОСЫ.

1. Почему одна лошадь можетъ бѣжать гораздо скорѣе, чѣмъ другая?

2. Почему, когда дуетъ вѣтеръ, то бѣгутъ и облака?

3. Зачѣмъ въ банкахъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ имѣются кассеры?

Рѣшеніе головоломокъ и шуточныхъ вопросовъ, помѣщенныхъ въ № 15 «Золотого Дѣтства».

Головоломка: Макарь, макъ, Рона, она—макарона.

Шуточные вопросы: 1. Когда онъ (рубашки)—вы-мы-ты-я. 2. Въ горшокъ не можетъ взойти ни одна горошина, такъ какъ у нея нѣтъ ногъ. 3. Часы.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

С. Аккерштейну въ Харбинѣ. Ребусы и письма, въ которыхъ высказываются похвалы нашему журналу, напечатаны быть не могутъ. Придумайте что-нибудь другое.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція очень проситъ своихъ подписчиковъ, въ случаѣ неполученія ими какого-либо номера «Золотого Дѣтства», сообщать объ этомъ по возможности скорѣе съ точнымъ указаніемъ, какой именно номеръ не полученъ. Это необходимо для наведенія справокъ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВТОРОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

одъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

При каждомъ номерѣ приложенія (выкройки, игры, картонажи для склеиванія, литературныя и другія).

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ **3 р. 80 к.**,
на полгода — **1 руб. 90 коп.**

Подписка принимается: а) для иногороднихъ — въ **Конторѣ журнала „Золотое Дѣтство“**, С.-Петербургъ, Матвѣевская ул., 3, б) для городскихъ подписчиковъ — въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени» (Невскій, 40), Т-ва М. О. Вольфъ (Гостиный Дворъ и Невскій) и Н. П. Карбасникова (Гостиный Дворъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

За перемѣну адреса — 28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

